

RU

Типологические схождения в лирических произведениях В. А. Жуковского «Узник к мотыльку, влетевшему в его темницу» и Дж. Г. Байрона «Шильонский узник»

Оксенчук В. Н.

Аннотация. Цель исследования – обнаружение типологических схождений в творчестве В. А. Жуковского и Дж. Г. Байрона на уровне образов главных героев, а также пространственно-временной организации текста, особое внимание уделено категории «освобождения». Материалом исследования становятся лирические произведения: «Узник к мотыльку, влетевшему в его темницу» (1813 г.), «Шильонский узник» (1816 г.). Компаративистами уже отмечались контактные связи и типологические схождения между творчеством В. А. Жуковского и Дж. Г. Байрона, но сравнительного анализа с целью выявления и изучения параллелей на разных уровнях текста еще не проводилось, что, в свою очередь, и обуславливает научную новизну настоящего исследования. Впервые представлен анализ текстов на уровне образов, тематики (тюрьмы, узника, невозможности освобождения), пространственно-временной характеристики. В статье подробно рассматривается взаимодействие двух лирических произведений на сюжетном и образном уровнях. Основу для рассмотрения составляют общие элементы сюжетов и мотивов, сходства и различия в образах центральных персонажей. Результатом исследования является то, что, несмотря на принадлежность творчества авторов к одному литературному направлению (романтизму), наблюдается не только сходство при реализации подобных образов и ситуаций, но и существенные различия. Категориями для проведения сопоставления будут выступать: образ героя, пространство и время, образ свободы, освобождения, тюрьма. Выявленные связи и схождения указывают на литературный контакт между авторами и литературами и раскрывают специфику контактных связей и типологических схождений творчества В. А. Жуковского и Дж. Г. Байрона.

EN

Typological similarities in the lyrical works “The Prisoner to the Butterfly That Flew into His Dungeon” by V. A. Zhukovsky and “The Prisoner of Chillon” by G. G. Byron

Oksenchuk V. N.

Abstract. The aim of the research is to detect typological similarities in the works of V. A. Zhukovsky and G. G. Byron at the level of the images of the main characters, as well as the spatial-temporal organization of the text, with particular attention to the category of “liberation”. The research material includes lyrical works “The Prisoner to the Butterfly That Flew into His Dungeon” (1813) and “The Prisoner of Chillon” (1816). Comparative studies have already noted the contact links and typological similarities between the creative works of V. A. Zhukovsky and G. G. Byron, but a comparative analysis to identify and study parallels on different levels of the text has not been conducted yet, and this in turn determines the research novelty of the present study. For the first time, an analysis of the texts is presented at the level of characters, themes (prison, prisoner, impossibility of liberation), and spatial-temporal characteristics. The article thoroughly examines the interaction of the two lyrical works at the plot and imagery levels. The basis for examination comprises common elements of plots and motifs, similarities and differences in the images of central characters. The result of the research is that, despite the authorship of the authors belonging to the same literary movement (Romanticism), not only similarities in the realization of such images and situations are observed, but also significant differences. The comparative categories will include: the image of the hero, space and time, the image of freedom, liberation, prison. The identified connections and similarities indicate a literary contact between the authors and literatures, revealing the specifics of contact relationships and typological similarities in the works of V. A. Zhukovsky and G. G. Byron.

Введение

Творчество В. А. Жуковского нередко исследуется в тесной связи с английской литературой. Об этом свидетельствует обращение отечественных и зарубежных литературоведов к проблеме русско-английских литературных связей. Среди значимых исследований отметим следующие (Манн, 1995; Семенко, 1975; Никонова, Ковалев, Крупницкая, 2015; Панькова, 2010; Пичуева, Коваленко, 2021; Зейферт, 2019).

Поэтика Дж. Г. Байрона оказала влияние на творчество В. А. Жуковского, чей перевод «Шильонского узника» не раз сопоставлялся с творчеством английского поэта, однако стоит отметить, что многие из этих тем разрабатывались до написания и перевода произведений Дж. Г. Байрона, в частности в стихотворении «Узник к мотыльку, влетевшему в его темницу». Сопоставление самостоятельного произведения В. А. Жуковского, не испытавшего влияния английского романтизма, с произведением Джорджа Байрона обуславливает актуальность настоящего исследования, поскольку проведение сопоставительного исследования романтических произведений русских и западноевропейских авторов в целом и творчества В. А. Жуковского и Дж. Г. Байрона в частности представляет интерес и значимость для современного литературоведения в аспекте выявления типологических схождений. Русский романтизм являлся неотъемлемой частью европейского романтизма в целом и, следовательно, неизбежно унаследовал некоторые его ключевые характеристики. Именно путем проведения сравнительного исследования возможно выявить схожие черты и рассмотреть романтизм как направление и как явление в разных странах.

Подобный подход позволит не только лучше понять и интерпретировать баллады В. А. Жуковского, но и сопоставить наследие великого русского поэта с западноевропейской литературной традицией XIX в. на примере творчества Дж. Г. Байрона.

Обращение к данной проблеме целесообразно, так как значительная часть творчества русского поэта изобилует отсылками к немецкой литературе, а поэзия имеет множество типологических схождений и контактных связей с поэзией не только немецкого, но и английского романтизма. Еще в XIX в., в эпоху романтизма, появляются произведения, центральной темой которых является лишение свободы. В частности, эта тема находит отражение в произведениях Дж. Г. Байрона и В. А. Жуковского. Таким образом, обуславливается непрекращающийся интерес к изучению наследия В. А. Жуковского в аспекте его литературных контактов с английской литературой. Исследование конкретно-исторического аспекта русского романтического искусства ярко демонстрирует особенность разнообразных форм, которые романтизм принимал в разных странах, а также сложность и многообразие этого направления даже внутри одной страны. Романтизм в России развивался отнюдь не автономно. Он находился в тесном взаимодействии с европейским романтизмом, не повторяя и не копируя его.

Подавляющее большинство работ, затрагивающих связи творчества В. А. Жуковского с иностранными литературами, посвящено его взаимодействию с творческим наследием английских романтиков. Русский поэт перевел поэму «Шильонский узник», и благодаря ему русский читатель узнал Джорджа Байрона. При достаточно точном переводе оригинала, с сохранением художественных деталей и смыслов английской поэмы, В. А. Жуковский тем не менее пропускал их сквозь призму собственного восприятия. Тот факт, что В. А. Жуковский был первым переводчиком в России, переведенные им тексты часто приобретали черты самостоятельных, оригинальных произведений. Подобный подход В. А. Жуковского в работе с переводимым текстом вызвал множественные типологические схождения в его творчестве с произведениями западноевропейских романтиков.

Материалом исследования стали лирические произведения, а также высказывания В. А. Жуковского, Дж. Г. Байрона, А. С. Пушкина:

- Байрон Дж. Г. Шильонский узник: повесть лорда Байрона / соч. пер. В. А. Жуковского. М.: Художественная литература, 1974.
- Жуковский В. А. Дневники В. А. Жуковского / с примеч. И. А. Бычкова. СПб., 1901.
- Жуковский В. А. Стихотворения. Баллады. М.: Художественная литература, 2010.
- Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10-ти т. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Изд-е 3-е. М.: Наука, 1962. Т. 2.

Для достижения цели исследования были поставлены следующие задачи: раскрыть образ главного героя в произведениях Дж. Г. Байрона «Шильонский узник» и В. А. Жуковского «Узник к мотыльку, влетевшему в его темницу»; обозначить характерные черты пространства и времени в указанных произведениях; проанализировать категорию «освобождение»; составить таблицу на основании проведенного анализа схожих и отличительных черт.

В ходе проведения исследования были использованы следующие методы: сравнительно-исторический и сравнительно-типологический для выявления контактных связей и типологических схождений между творчеством В. А. Жуковского и Дж. Г. Байрона. Применение структурного метода позволило всесторонне проанализировать рассматриваемые литературные тексты и способствовало определению типологических схождений на разных уровнях текста (образном, мотивном и персонажном).

Теоретической базой послужила теория сравнительного изучения литератур, сформулированная в работах классиков-компаративистов: Д. Дюришина (1979) «Теория сравнительного изучения литературы», В. М. Жирмунского (1979) «Сравнительное литературоведение», Е. И. Зейферт (2019) «Интерес Жуковского к Байрону», О. М. Фрейденберг (1997) «Поэтика сюжета и жанра», которые разрабатывали проблему взаимодействия и взаимовлияния национальных литератур. В представленном исследовании мы будем опираться на термины, используемые Д. Дюришиным (1979, с. 98) в работе «Теория сравнительного изучения литературы», конкретизируя и классифицируя межлитературные связи на генетические (или контактные) связи и типологические схождения.

Практическая значимость исследования заключается в том, что оно вносит вклад в развитие сравнительного литературоведения и на конкретных примерах устанавливает особенности типологических сходжений и контактных связей между отечественной и западноевропейской литературой. Результаты исследования могут найти применение в вузовской практике при подготовке лекционных курсов по истории русской и зарубежной литературы, теории литературы. Представленный в статье сопоставительный анализ лирических произведений является примером компаративного анализа художественных текстов и может быть использован на практических занятиях по литературоведению.

Обсуждение и результаты

1. Главный герой. Среди «Восточных поэм» Дж. Г. Байрона особое место занимает «Шильонский узник» – поэма, идея написания которой возникла у автора во время его пребывания в Женеве. Там Байрон посещает крепость «Шильон», где ранее, в XVI веке, по приказу герцога Савойского был заключен Бонивар, отстаивавший свободу граждан республики. «Отвергая склонность Байрона к универсальным обобщениям вселенского масштаба, Жуковский, начиная с первой главы, выбирает для своего повествования доверительную интонацию, что свидетельствует о внимании поэта к конкретному человеку и его судьбе» (Дрофа, 2020, с. 7).

Главный герой «Шильонского узника» является романтическим персонажем в классическом понимании, для которого, согласно мнению Ю. В. Манна, характерно следующее: «...романтический герой представляет собой исключительную личность, обладающую тайной. Кроме того, он должен находиться в исключительных обстоятельствах, которые в данном случае представлены крепостью Шильон» (1995, с. 200-202). Сам Бонивар говорит о себе следующим образом: «я сед», «я сторблен, лоб наморщен мой», «дыша без воздуха».

Что касается произведений В. А. Жуковского, то в них главный герой не представлен конкретной фигурой, акцент на его личности практически не делается. Проблематично дать ему характеристику, так как сам персонаж о себе практически не упоминает. Лишь в «Узнике» герой единожды использует слово «юноша», что позволяет сделать некоторые выводы о его возрасте.

Полагаем, что главный герой, каким он представлен в произведениях «Узник» и «Узник к мотыльку, влетевшему в его темницу», разрушает привычные представления о романтической личности и указывает на воззрения автора. Так, в рамках настоящей работы интерес представляет мнение Ф. З. Кануновой (1987), утверждавшей, что В. А. Жуковский в философском смысле является преемником Жан-Жака Руссо. Последний, будучи представителем европейского сентиментализма, вдохновившись республиканскими идеалами, был уверен в том, что все люди рождаются свободными и равными друг другу.

Идея равенства принципиально важна для В. А. Жуковского, в связи с чем он отвергает индивидуалистические теории, которых в XIX веке придерживаются представители аристократии. Указанная идея находит отражение в том числе и в произведении «Узник». Автор специально не акцентирует внимание на личности главного героя, так как им в теории может быть каждый. В. А. Жуковский отказывается обращаться к историческим личностям известных декабристов своего времени, как это происходит в поэме Дж. Г. Байрона, что делает персонажей нетипичными для романтической поэзии – они не являются исключительными, хотя обстоятельства и продолжают оставаться таковыми.

Автор в своих произведениях отталкивается от крайностей нравственного ригоризма, свойственного идеям Ж.-Ж. Руссо. И если последний в своем полемическом задоре отрицал значение литературы и поэзии, то В. А. Жуковскому это несвойственно. Указанный тезис подтверждается словами автора, которыми он обращался к В. А. Соллогубу, высоко оценивая его произведение «Тарангас» 1845 г. Так, В. А. Жуковский писал: «Он (Соллогуб) не выносит романтических героев байроновского типа, среди которых он особо отмечает Евгения Онегина, являющегося по своей сути “бесом”» (Цит. по: Зейферт, 2019, с. 152). Полагаем, что содержание письма свидетельствует о следующем: взгляды автора существенно изменились, произошла переоценка ценностей, в результате чего В. Жуковский отказывается принимать героя-индивидуалиста, что, в свою очередь, находит отражение в работе «Узник».

2. Место и время. Во второй строфе Бонивар лаконично описывает детали камеры (здесь и далее текст цитируется в переводе В. А. Жуковского (Байрон, 1974)): «На лоне вод стоит Шильон», «там, в подземелье, семь колонн», «колонна каждая с кольцом». Семь столбов «готической формы» служат прочными якорями для цепей, связывающих трех братьев. Готические колонны придают тюрьме тяжелое, мрачное настроение, которое Байрон подчеркивает, описывая единственный источник света как «луч, упавший в трещину стены». Наличие семи столбов символически указывает на полноту изоляции узников. Однако, описывая свою камеру, узник уже помещает себя в хронологически более поздний период своего заключения: он находится здесь уже столько лет, что и не сосчитать.

В третьей строфе узник перемещается назад во времени, описывая психологические муки, связанные с тем, что он находится в одной комнате с братьями, но скован так, что не может видеть ни одного из них. Мужчины вынуждены полагаться на свои голоса для общения и утешения, делясь «иль бльсю славной старины, иль звучной песнею войны» (Байрон, 1974, с. 30). Однако интеллектуальной беседы для таких мужчин недостаточно, и в конце концов они лишаются даже голоса, поскольку окружающая обстановка и их настроение делают их речь «хриплым отголоском». Акустика темницы такова, что, по мнению узника, «голос их и мой всегда звучал мне как чужой» (Байрон, 1974, с. 30). Единственное средство связи, которое им доступно, –

это чужой голос. Тем не менее, в отличие от этой мрачной сцены, узник, который, как уже было установлено, рассказывает свою историю с момента своего заключения в тюрьму, может использовать разум для путешествия во времени в прошлое и пересказывать события, приведшие его к сложившимся обстоятельствам. И хотя тело узника лишено свободы, его разум может путешествовать в памяти и воображении.

Отсюда следует, что место и время в произведении Дж. Г. Байрона весьма конкретны: место – замок Шильон; время также материально, так как оно находит отражение в тексте. Описание пространства и географических особенностей передано подробно.

Что касается произведений В. А. Жуковского, то здесь ситуация противоположна. И. М. Семенко высказывает точку зрения, согласно которой «время и место» фактически отсутствуют, главные герои «Узников» пребывают будто в «пустотном пространстве» (1975, с. 111). В «Узнике к мотыльку...» лирический герой следующим образом описывает пространство вокруг себя: «печальная обитель», «бездна», «темница». В «Узнике» схожее описание: «темница», «тьма тюремная». В связи с этим возникает закономерный вопрос: действительно ли В. А. Жуковский описывает физическую тюрьму?

Представляется необходимым отметить в стихотворениях В. А. Жуковского образ покоя и защиты. Наиболее полно этот образ раскрывается в «Узнике», где лирический герой страдает о разлуке со своей любимой, которая также пребывает в тюремных стенах: «об ней тоскую и молюсь», «сердцем юноша летел к певиче», «мысль об ней и день и ночь». И хотя стены тюрьмы враждебны по отношению к главному герою, в рамках его мыслей тюрьма исчезает. Иными словами, в этих мечтах о встрече с любимой герой находит покой и защиту.

Хотя образ покоя и защиты в «Узнике» – это чуть ли не центральный образ, кульминации он не достигает. Однако кульминация реализации этого образа имеет место в ином произведении В. А. Жуковского, «Узник к мотыльку...»: «Душа весь мир в тебе узрела, надежда ясная влетела в темницу к узнику с тобой» (2010, с. 80). Здесь мотылек является насекомым, имеющим материальное тело, но в действительности он олицетворяет состояние безграничной свободы, пребывание в котором позволяет главному герою находиться в состоянии спокойствия и умиротворения. Примечательно, что образ покоя и защиты находит отражение и в поэме Дж. Г. Байрона.

Так, отчаяние Бонивара, описанное в тексте с первой по девятую строфу, прерывается появлением певчей птицы в десятой строфе: «Вдруг луч внезапный посетил мой ум... то голос птички был» (Байрон, 1974, с. 35). Заключенный с последними остатками оптимизма предполагает, что птица, вероятно, тоже была заключена в клетку и сумела сбежать. Возможно, размышляет он, птица – это душа одного из его братьев, которая посещает его с посланием надежды. После исчезновения птицы Бонивар чувствует себя одиноким как никогда.

Однако после появления птицы тюремщики начинают относиться к главному герою с большим состраданием, позволяя ему ходить по камере без цепей. Бонивар, желая взглянуть на горы, взбирается на стену и смотрит сквозь окно, что делает его заточение еще более невыносимым: «Мир стал чужой мне, жизнь пуста, с тюрьмой я жизнь сдружил мою» (Байрон, 1974, с. 37). Образы покоя и защиты служат в произведениях В. А. Жуковского и Дж. Г. Байрона разным целям: последний с помощью него подчеркивает несвободу Бонивара, В. А. Жуковский – отсутствие тюрьмы.

В. А. Жуковский отмечал наличие следующей диалектической проблемы (Зейферт, 2019, с. 200). Если «свобода» не представлена свободой физической, то ею должно быть символическое «слияние» с любимой. Следовательно, всё окружающее главного героя пространство, в том числе и любое географическое местоположение за пределами тюремной камеры, представляет собой эту тюремную камеру, так как свобода – это состояние, в котором персонаж пребывает, находясь вместе со своей любимой.

Если «слияние» с любимой женщиной делает главного героя свободным (является «светлой» стороной феномена), то отсутствие этого «слияния» становится тюрьмой, адом. Таким образом, феномен, делающий человека свободным, одновременно с этим превращает его в узника, что указывает на диалектическое совмещение смыслов. Феномен, выступающий олицетворением «добра», является одновременно с этим и «злом».

Полагаем, что именно по этой причине тюрьма в произведениях В. А. Жуковского не нуждается в детальном описании и материальном выражении: зло одновременно является добром, тюрьма – спасением. Герой, таким образом, смирился со своим затворничеством, он не проявляет ни гнева, ни зла и смиренно подчиняется установленному порядку вещей.

3. Освобождение. «Байрон традиционно воспринимался в России как “певец свободы”» (Муратова, 2022, с. 11). Подобную характеристику можно встретить непосредственно у Пушкина, соединившего фигуру поэта с образами свободы и морской стихии в своем элегическом стихотворении «К морю» (1824 г.), написанном сразу после смерти «оплаканного свободой» английского «владельца наших дум» (1962, с. 198-200). В ходе повествования Бонивар отказывается верить в то, что природа способна восстановить его и вернуть обратно к жизни. Расстилающаяся перед главным героем вселенная превращает его в совершенно равнодушный к страданиям мира персонаж, что возвращает последнего к состоянию смерти в жизни, не испытывая обновления даже на мгновение.

А. В. Пичуева и М. В. Коваленко отмечают: «После того, как Бонивар оказался в темнице, он, что парадоксально, начинает чувствовать себя в ней как дома» (2021, с. 24). Он даже заводит дружбу с пауками и мышами. Кроме того, конечное освобождение из темницы его не радует:

«И слезы новые из глаз

Пошли, и новая печаль

Мне сжала грудь... мне стало жаль

Моих покинутых цепей» (Байрон, 1974, с. 38).

Эти строки не отражают способность главного героя приспособиться к тюремному заключению. Полагаем, что они свидетельствуют о крайней степени его отчаяния. Тюрьма убивает его братьев, их смерть погружает Бонивара в глубины отчаяния, и он уже никогда не сможет восстановить свои внутренние ресурсы. Следовательно, его человечность разрушена, и он не желает заставлять себя вернуться на свободу. Иными словами, идея Дж. Г. Байрона заключается в невозможности обретения свободы после длительного заключения. Автор рассматривает этот опыт как исключительно травмирующий. «Феномен тюрьмы, развитие которой тесно связано с конкретными историческими периодами, отражает нравственное состояние всего общества, выступает своеобразным индикатором социальных процессов. В свою очередь, литература, возможно, лучше всех остальных видов искусства отражает пороки и изъяны современного ей общества» (Нурматова, 2022, с. 225).

Необходимо отметить следующее: практически любое романтическое произведение начинается с «бегства» персонажа. Так, у М. Ю. Лермонтова в «Герое нашего времени» Печорин физически сбегает в горные глуши, что становится отправной точкой романа. В «Мцыри» главный герой сбегает из мужского монастыря. Несмотря на то, что центральная тема произведений Дж. Г. Байрона и В. А. Жуковского – заключение (и освобождение), при ее анализе следует обратиться к понятию «бегство». Отличие такого «бегства» от традиционного заключается лишь в принуждении главного героя к этому. В остальном «заключение» и «бегство» реализуют схожую функцию в рамках произведения.

Следует отметить тот факт, что возвращение (в рамках настоящей работы – освобождение) является противоположным по отношению к изгнанию (заключению) действием. Как в русских, так и в зарубежных произведениях авторы чаще всего использовали бегство в качестве инструмента, позволяющего вывести персонажа из повествования. Однако в романтизме бегство реализует совершенно иную функцию. Согласно мнению Н. А. Карпова (2000, с. 218), в романтизме бегство – поворот в умонастроении главного героя, в рамках которого он обращается к негативным и самым страшным проявлениям своей души. Следовательно, «возвращение» (освобождение) демонстрирует обратную тенденцию: главный герой возвращается к свету и, в случае физического бегства (заключения), пытается найти новые пути.

В 1814 году В. А. Жуковский публикует поэму «Теон и Эсхин», в которой еще в предромантическую эпоху раскрывает образ возвращения главного героя. Еще раньше, в 1795 году, это делает И. И. Дмитриев в притческазке «Два голубя». Отличие указанных произведений от традиционных романтических заключалось в следующем: главный герой не находился в состоянии конфликта, итогом которого становилось бегство. Его возвращение было обусловлено путешествием, имевшим место до этого. Однако между предромантическими и романтическими произведениями имеется нечто общее: возвращение (освобождение) подразумевает признание главным героем своего поражения, невозможности полноценно вернуться домой. Подводя итог, следует отметить, что и В. А. Жуковский, и Дж. Г. Байрон не дают возможности своим героям полноценно освободиться. В этом контексте примечательны следующие строки «Узника»:

«Но хладно принял он привет
Свободы:
Прекрасного уж в мире нет;
Дни, годы
Напрасно будут проходить...
Погибшего не возвратить» (Жуковский, 2010, с. 275).

Таблица 1. Результаты типологических схождений

Темы/Автор	Дж. Г. Байрон	В. А. Жуковский
Главный герой	Индивидуализм	анти-индивидуализм
Пространство и время	фиксированное пространство и время	пустота, отсутствие временной шкалы
Образ спокойствия и защиты	Птица	мотылек
Освобождение	невозможность освободиться, вернуться	невозможность освободиться, вернуться
Тюрьма	крепость Шильон	не представлена физическим объектом

В ходе исследования мы получили результаты анализа типологических схождений и контактных связей в произведениях, которые были представлены в Таблице 1. Сравнение проводилось по нескольким категориям: главный герой, пространство и время, образ спокойствия, освобождение, тюрьма. В результате мы пришли к мнению, что несмотря на то, что В. А. Жуковский и Дж. Г. Байрон являются представителями одного литературного направления, тема узника у каждого раскрывается по-разному: главный герой у Дж. Г. Байрона – конкретное историческое лицо, а у В. А. Жуковского мы не знаем личности узника; Дж. Г. Байрон в поэме фиксирует пространство и время, мы знаем конкретный географический объект, в котором происходит действие, однако у В. А. Жуковского в стихотворении отсутствует понятие времени и места. Типологические схождения наблюдаются в образе спокойствия и защиты: мотылек и птица – одушевленные объекты, способны к полету, а значит к ощущению свободы. Также к схожим чертам можно отнести невозможность освобождения узника в обоих произведениях: и Ф. Бонивар у Дж. Г. Байрона, и узник у Жуковского никогда не станут свободны.

Заключение

В результате исследования сделаны выводы о том, что присутствует определенная разница в реализации темы тюрьмы, образа узника у Дж. Г. Байрона и В. А. Жуковского. Хотя Дж. Г. Байрон и В. А. Жуковский

являются представителями одного литературного направления (романтизма), образ узника, тюрьмы в их произведениях раскрывается неодинаково. В рамках компаративистского анализа нами были выбраны следующие переменные: главный герой; пространство и время; образ спокойствия и защиты; освобождение; тюрьма. Общими являются мотив «освобождение» и наличие «образа защиты и спокойствия» (у В. А. Жуковского – это мотылек, у Дж. Г. Байрона – птица). Оба автора высказывают точку зрения, согласно которой узник не может в действительности «освободиться».

В. А. Жуковский отказывается от типичного байроновского персонажа, обращаясь к инструментам антииндивидуализма. На личности главного героя акцент не делается, в то время как Дж. Г. Байрон обращается к личности реально существовавшей исторической фигуры. В произведениях В. А. Жуковского отсутствуют временные маркеры, пространство тюрьмы фактически не описывается, в то время как Дж. Г. Байрон делает это подробнейшим образом.

Отметим, что представленное исследование имеет несомненную перспективу: круг произведений и авторов может быть расширен за счет обращения к другим национальным литературам.

Источники | References

1. Дрофа Л. И. Проблема байронизма В. А. Жуковского: перевод поэмы «Шильонский узник» Дж. Г. Байрона // Наука в мегаполисе. Science in a Megapolis. 2020. № 6 (22).
2. Дюришин Д. Теория сравнительного изучения литературы. М.: Прогресс, 1979.
3. Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение. Л.: Наука, 1979.
4. Зейферт Е. И. Интерес Жуковского к Байрону // Научные исследования русской словесности (к юбилею профессора С. А. Матяш): сб. научных трудов. Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2019.
5. Канунова Ф. З. О философско-исторических воззрениях Жуковского (по материалам библиотеки поэта) // Жуковский и русская культура: сборник научных трудов / редкол.: Д. С. Лихачев, Р. В. Иезуитова, Ф. З. Канунова; Академия наук СССР, Институт русской литературы. Л.: Наука, 1987.
6. Карпов Н. А. «Приглашение на казнь» и «тюремная» литература эпохи романтизма (к проблеме «Набоков и романтизм») // Русская литература. 2000. № 2.
7. Манн Ю. В. Динамика русского романтизма. М.: Аспект Пресс, 1995.
8. Муратова Я. Ю. Вячеслав Иванов и феномен байронизма: аспекты свободы // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 3.
9. Никонова Н. Е., Ковалев П. А., Крупницкая Д. Е. Три «Узника» В. А. Жуковского: о стратегиях поэтического автоперевода // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 2 (34).
10. Нурматова Ш. Тема тюрьмы в русской литературе (на материале произведений Ф. М. Достоевского и А. И. Солженицына) // Экономика и социум. 2022. № 5-2 (96).
11. Панькова И. В. Исследование творчества В. А. Жуковского в контексте изучения романтизма // Смысловое пространство текста: сборник материалов межвузовской науч.-практ. конференции. Литературоведческие исследования. Петропавловск-Камчатский: Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга, 2010.
12. Пичуева А. В., Коваленко М. В. Анализ прозаического текста «Шильонский узник» // Молодежь XXI века: образование, наука, инновации: мат. X всероссийской студенческой науч.-практ. конференции с международным участием. Новосибирск, 2021.
13. Семенко И. М. Жизнь и поэзия Жуковского. М.: Художественная литература, 1975.
14. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997.

Информация об авторах | Author information

Оксенчук Вера Николаевна¹

¹ Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского

Oksenchuk Vera Nikolaevna¹

¹ Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky

¹ Vera-yakushkina@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 27.10.2023; опубликовано online (published online): 19.03.2024.

Ключевые слова (keywords): образ узника; главный герой; романтизм; В. А. Жуковский; Дж. Г. Байрон; image of a prisoner; main character; Romanticism; V. A. Zhukovsky; G. G. Byron.